

ПРОСТИШЬ ЛИ ТЫ МЕНЯ?

ЛЮДМИЛА ШТОРК-ШИВА

Людмила Шторк-Шива
Простишь ли ты меня?

«Автор»

2026

Шторк-Шива Л.

Простишь ли ты меня? / Л. Шторк-Шива — «Автор», 2026

Иногда решения, которые приняты в юности, полностью меняют всю жизнь человека. Можно ли исправить то, что испорчено в жизни? Как можно найти возможность исправить?

© Шторк-Шива Л., 2026

© Автор, 2026

Людмила Шторк-Шива

Простишь ли ты меня?

Простишь ли ты меня?

Глава 1

Даша шагала по знакомой улице, где липы уже отцвели, но их листва всё ещё хранила густой, почти медовый аромат лета. Солнце клонилось к закату, золотя асфальт и бросая длинные тени от старых тополей. В воздухе витал запах нагретой земли, скошенной травы с ближайшего газона и далёкого дыма от чьего-то мангала — обычный вечерний запах пригорода мегаполиса в начале лета, когда люди после работы спешат порадоваться теплу, Кто-то торопится исполнить зимнюю мечту и пожарить шашлыки, отдохнуть и поговорить на веранде своего дома.

Она шла медленно, нарочно не ускоряя шаг. В голове крутились слова, которые сегодня сказала ей на работе начальница:

— Даша, ты у нас как скала. Всё предусмотреть, всех подстрахуешь... Без тебя мы бы утонули в этой отчётности, в наших бесконечных мелких нуждах и задачах. Как у тебя получается всё замечать заранее и всё предусматривать? Раньше у нас на твоём месте люди не держались больше месяца, или сами сбегали, или мне приходилось сообщать, что человек не прошёл испытательный срок. А ты всё делаешь почти играючи, будто ничего особенного не происходит.

Даша улыбнулась про себя. Скала. Совсем недавно она была скорее обломками скалы, разнесёнными по всей округе. А теперь — вот, держит целое направление в офисе. И никто не знает, сколько раз Господь собирал эти обломки по одному. И сегодня день был очень непростым, но она справилась.

Лето уже нагрело асфальт, который отражал лучи солнца, как зеркало. Небо над городом казалось прозрачным, лишь редкие облака лениво скользили по горизонту, напоминая о прохладных даях. Люди спешили под тень деревьев, чтобы укрыться от прямых солнечных лучей, которые грели по-летнему, но Даша шагала уверенным шагом, погруженная в свои мысли. Она возвращалась с работы, где сегодня особенно много всего пришлось сделать – клиенты нервничали, сроки поджимали, а новый сотрудник, которого только вчера взяли, путал документы и постоянно задавал вопросы, отнимающие время.

«Ну почему именно сейчас пришел новичок, когда вокруг такая жара, и все нормальные люди отдыхают?» - вздохнула она, стряхивая с плеча липкий пот, капающий с волос.

Но почему-то ей всё равно не хотелось как всем, уехать на море, и она прекрасно помнила, почему уже не первый год умышленно берёт отпуск осенью или зимой.

Её нелюбовь к летнему отдыху родилась не на пустом месте — раньше она работала менеджером по продажам для туристической компании, организующей поездки на различные курорты. Тогда Даше приходилось ездить на выставки, встречаться с поставщиками услуг, заключать договоры и составлять графики отдыха. Даша помнила, какой счастливой чувствовала себя, закрывая последнюю сделку перед отпуском. Она должна была «опробовать» новый отель на берегу моря, чтобы дать рекомендацию своей компании, можно ли присылать клиентов в него? Пожив в номере несколько дней, она осталась там же на время своего отпуска. Так командировка плавно перетекла в отпуск. Весь месяц она жила на море, наслаждаясь ласковым солнцем и чистым ветром. И там, на берегу, наслаждаясь чистыми волнами, она встретила своего бывшего мужа. Это было время безоблачного счастья, которое закончилось лишь болью и разочарованием.

И всё же это был лишь один из шрамов её души, и он был не самым тяжёлым. С бывшим мужем они прожили всего два года, и только в первый месяц её отпуска, до регистрации их брака, они не ссорились. Но как только «сладкая парочка» вернулась к обычной жизни, где каждому нужно трудиться, и искать точки соприкосновения в быту, - начались взаимные упрёки и скандалы. Они наговорили друг другу немало обидных слов и высказали претензий. Их брак, как и многие романтические отношения, не выдержал быта.

После развода Даша начала пить, бросила работу, партнёры менялись так быстро, что она прекратила попытки запоминать их имена.

Но в один прекрасный день всё изменилось и это казалось реальным чудом!

Воспоминание о том первом дне в Доме молитвы всё ещё заставляло сердце сжиматься от благодарности. Она тогда проходила по улице мимо распахнутых окон большого здания и думала о том, что теперь ей даже ночевать негде, ведь вчерашним вечером она наговорила матери много гадостей и пьяная ушла в ночь.

Ночевала тогда она тогда на автовокзале, сумев спрятаться среди пассажиров, ожидающих ночные рейсы. Ей повезло, в ту ночь дежурный полицейский не обратил внимания, что она так и не уехала до утра. Но на рассвете она ушла, чтобы не потерять возможность когда-нибудь заночевать там ещё раз. Чтобы дежурный не запомнил её.

В тот день она без цели слонялась по городу, думая о том, что денег в кармане осталось совсем немного и скоро придётся думать, где взять еду. Даша вспоминала слова матери:

- Я устала от твоих загулов и выкрутасов! Или ты живёшь по-человечески, или ищи себе ночлег в другом месте!

В это воскресное утро она шла по улице, голова все ещё болела от вчерашнего, и думала: «Похоже, что я докатилась до ручки, если даже мама не выдержала...»

Вдруг звук музыки донесся из раскрытых окон необычного просторного здания.

Даша не помнила, когда в последний раз слышала хор, наверное только в школе, когда сама в нём пела. И всё же ей с раннего детства нравилось пение хора. И теперь она остановилась.

Мелодия была такой красивой и необычной, что Даша остановилась, забыв обо всем. Она никогда раньше не слышала ничего подобного, звук каждого голоса был настолько чист и звонок, словно соловьи пели вместе.

Затем подошла ближе к окну, из которого доносились звуки. Несколько минут она стояла у распахнутого окна, как замороженная. Пение хора лилось наружу, будто река, и Даша почувствовала, как что-то внутри неё, давно замёрзшее, начинает оттаивать.

«О Ты, пространством бесконечный,

Живый в движеньи вещества,

Теченьем времени превечный,

Без лиц, в трех лицах Божества,

Дух всюду сущий и единый,

Кому нет места и причины,

Кого никто постичь не мог,

Кто все Собою наполняет,

Объемлет, зиждет, сохраняет,

Кого мы называем — Бог!...»

Когда Даша подошла ближе, то увидела, что входная дверь распахнута, и люди спокойно входят внутрь. Она решительно шагнула через порог, понимая, что эта музыка звучит откуда-то из глубины зала. Там, на возвышенности находился большой хор. Люди были одеты в светлые рубашки и темные брюки или юбки. Их голоса сплетались в гармоничное звучание, заполняя все пространство.

«Как красиво! Как светло! - поразила Даша, невольно задержав дыхание. — Никогда не думала, что может быть такая музыка!»

В зале было светло от солнца и от лиц людей. Никто не смотрел на неё, никто не спрашивал: «А ты кто такая?» Просто хор пел, а люди в зале слушали, также как она — не отрываясь. И Даша села в самый последний ряд, сжимая в руках сумку, как щит.

Наконец пение хора стихло. За кафедру вышел мужчина и стал говорить о Боге и Его любви к людям. Даша не видела и не слышала больше никого и ничего, кроме этого голоса, сообщающего, что существует другая жизнь, иные ценности и радости. И ей больше всего на свете захотелось получить эту самую радость и сделать эти ценности своими.

Когда служение закончилось, пожилая женщина с добрыми морщинками вокруг глаз подошла к ней.

— Вы в первый раз? — спросила тихо, без нажима.

Даша растерянно и смущенно кивнула.

— Вы, наверное, слышали сообщение в конце служения. Вы можете прийти в среду и в воскресенье. Мы всегда рады. Меня зовут тётя Люба.

Даша тогда только и смогла выдавить:

— Спасибо... я подумаю.

В тот же день она снова была на пороге родного дома.

- Mam, прости меня, - тихо выдавила она. - Прости за всё! Я обещаю, что постараюсь сделать так, чтобы ты больше не плакала.

В ближайшую среду она пришла снова, а потом в воскресенье. Скоро, повинуясь порыву, после приглашения одного из проповедников, она покаялась. Прямо там, на коленях у скамьи, в окружении незнакомых людей, окутанная тонким запахом чайных роз, от вазы, стоящей рядом, на подоконнике.

Она плакала и просила прощения за всё: за свой разрушенный брак, за потерянных друзей, за ночи, когда просыпалась от собственного крика и пустоты внутри, за алкоголь, которым заливала эту пустоту и за слёзы матери, которая старалась удержать свою дочь, скользящую в темноту. И за то, что до сих пор никогда не решалась произносить. О чём даже родная мать не знала... за её гнусную и позорную тайну. Даша рада была тому, что не все грехи нужно озвучивать. Можно просто сказать Богу: «Ты знаешь всё! Прости меня за всё!»

После того вечера жизнь начала меняться — не резко, не сказочно, а постепенно, как рассвет пробивается сквозь туман.

Сначала появились люди. Настоящие, добрые. Которые не спрашивали:

- А что ты натворила раньше?

Они просто обнимали и говорили:

- Мы тебя любим. Христос тебя любит и Он знает о тебе не только плохое, но и также готов помочь тебе раскрывать все таланты, что Творец вложил в тебя от рождения.

Она смогла снова найти работу. Сначала она пошла работать простой уборщицей в маленькой конторе, где платили копейки, потому что не хотела искать работу долго, чтобы не «сидеть на шее» у родителей. Потом — её перевели там же помощницей бухгалтера.

А теперь она уже не один год работает офис-менеджером, в крупной компании, без которого, как ей сегодня сказали, «всё рухнет».

Даша, почти сразу же после покаяния, поступила на заочный курс библейского института. Она хотела не просто читать Библию, а изучать её. А после заочного обучения она стала преподавать детям в воскресной школе. Эта работа не оплачивалась, но Даша была счастлива, что нужна в церкви, что дети её полюбили. Она смотрела в их чистые глаза и думала:

«Господи, неужели это я рассказываю им о Тебе? О Том, Кто вернул меня к жизни?»

Она любовалась глазами детей, смотрящих на неё открыто, с любопытством. Её нравилось рассказывать им библейские истории, увлекать их. Но больше всего нравился мальчик — сын вдовы из их общины. Его глаза горели таким неподдельным интересом, что она невольно ловила себя на том, что при подготовке к уроку, представляет, как будет ему рассказывать историю, и как он будет на неё смотреть.

Максимка имел чистый, удивительно красивый голос. Он пел в детском хоре, и нередко руководитель хора давал ему сольные партии. Его старшая сестра, которой было уже двадцать, аккомпанировала ему и всему детскому хору.

Не только Даше, но и многим в их общине этот мальчик казался особенным. Он пел всегда очень эмоционально, искренне, так, что нередко вызывал слёзы на глазах слушателей.

- Бедный ребёнок! - иногда вздыхали старушки. - Так рано потерял отца! Это так страшно — в один день лишиться отца из-за какого-то пьяного водителя. Хорошо, хоть Верочка такая добрая и заботливая. Но разве мать может заменить сильную руку отца?

Даша невольно завидовала Вере — доброй вдове, что у неё есть такой чудесный сын. Но она думала также о том, что и сама могла бы сейчас иметь сына, приблизительно того же возраста. Но эти мысли она прятала очень глубоко, так что непосвящённый не мог догадаться о них. А посвящённых среди её знакомых и родных не было. Даже родители не подозревали об этой страшной странице её биографии. Это была только её тайна.

А недавно появился он, Сергей. Они познакомились на выездном общении — церковь выехала на природу, к озеру. Лето было в самом разгаре: вода сверкала, как стекло, над камышами гудели стрекозы, а воздух пах соснами и дымом от костра.

Даша сидела на поваленном бревне, чистила картошку для ухи. Сергей подошёл, присел рядом.

— Можно помочь? — спросил он просто.

Она взглянула. Высокий, с короткой стрижкой, чуть седеющими висками. Глаза спокойные, но в них была та же тень, что когда-то жила и в её собственных.

— Конечно, — ответила она. — Только ножи тупые, предупреждаю, я смогла выбрать самый острый. Но и он всё равно тупой.

Он засмеялся тихо.

— Ничего. Я привык к тупым ножам... и к тупым решениям в прошлом.

Даша замерла. Посмотрела на него внимательнее.

— Ты... тоже из «мира» пришёл?

— Ага. Три года назад. Думал, уже всё, конец. А потом услышал проповедь на улице... просто шёл с работы домой, а группа молодёжи стояла на тротуаре, пели, проповедовали. Для меня это сначала показалось очень странным. Но теперь я понимаю, что если бы не они — вряд ли я когда-нибудь переступил бы порог церкви. Тогда, послушав их, я понял, что это не конец моей жизни, а только начало.

Они говорили долго. Закончили чистить картошку, отдали повару, потом также вместе помогали накрывать на стол, устроенный на клеёнке, расстеленной на траве. Потом ели со всеми вместе, а после чая просто сидели на бревне. Солнце село, над озером повисла дымка, комары запели свою песню, а они всё сидели и говорили — о падениях, о прощении, о том, как

страшно иногда доверять снова. Вокруг двигались, общались, смеялись и беседовали другие братья и сёстры по вере. Но Даше с Сергеем всё остальное показалось лишь фоном их беседы. Прошел ужин, кто-то развёл большой костёр, послышались аккорды сразу нескольких гитар и все запели знакомые гимны. Но эти две, побитых жизнью и уставших души, просто говорили и говорили, ощущая друг в друге понимание и поддержку.

— Знаешь, — сказал он тихо, когда костёр уже почти догорел, — я долго думал, что одному лучше. Безопаснее. А потом понял: одному — это не по Библии, ведь сказано: «Не хорошо, чтобы человек был один...». Но всё равно страшно пытаться строить новые отношения.

Даша посмотрела на звёзды — они высыпали над чёрной водой, яркие, как обещания.

— Я тоже так думала. Довольно долго, даже жалела о том, что в Библии сказано: «нехорошо быть человеку одному». Я была не согласна с этими словами. После всего, что было, мне так хорошо, наконец, остаться одной, жить своей спокойной, размеренной жизнью.

- Я спрашивал у братьев, почему так написано? Но мне сказали, что если смотреть оригинал, на иврите, то эти слова скорее звучат как «нехорошо, чтобы человек был один». То есть, возможно ему, и неплохо оставаться одному, но для мироздания это не хорошо, для его личного развития. Человеку всё же нужен взгляд снаружи, от того, кто понимает его, от единомышленника, но того, кто смотрит со стороны, а не изнутри.

- Надо же... - задумалась Даша. - Если рассматривать под таким углом, наверное, я соглашусь. Но всё же страшно начинать всё сначала... И, мне кажется, ты понимаешь меня.

- Да. Очень даже понимаю, - грустная улыбка появилась на его лице, но взгляд был направлен на угли костра. Затем он повернулся к ней. — Даша... можно я буду звонить тебе иногда? Просто поговорить.

Она улыбнулась — впервые за много времени улыбка была чуть усталой, но лёгкой, не вымученной.

— Можно. А может, даже и нужно.

После того вечера они стали иногда общаться. А теперь общались почти каждый день. Иногда просто переписывались:

«Прочитала сегодня Псалом двадцать второй — как будто всё про меня», или «Сегодня на работе опять благодарил Бога за тебя... за то, что Он тебя сохранил и за наше общение».

Иногда они гуляли по парку. Лето подошло к концу, липы уже начали ронять первые жёлтые листья, но воздух был ещё тёплым, пахнущим яблоками из чьего-то сада и приближающейся осенью.

Однажды, возвращаясь домой поздним вечером, Даша шла и думала:

«Господи, я не знаю, что будет дальше. Но я знаю, что Ты рядом. И этого достаточно».

Она подняла голову. Над крышами висела большая золотая луна. И ей вдруг стало так спокойно, будто кто-то невидимый обнял её за плечи и сказал:

«Доченька, всё будет хорошо. Я же обещал».

Сейчас Даша не могла себе ответить, почему раньше так бунтовала против устоев своего дома, почему ломала и рушила свою жизнь? Что за сила жила внутри, которая не могла успокоиться, пока все не сравняет с землёй? И почему сейчас так хочется всё вернуть, построить снова и сделать что-то по-настоящему доброе и хорошее?

Глава 2

В доме Романовых всегда царил порядок, который Галина Ивановна называла «логикой жизни». Полы блестели, книги в шкафу стояли по авторам, и даже внутри сборников сочинений она ставила книги по времени их написания, от первых до последних произведений каждого автора. На кухонном столе никогда не оставалось крошек дольше пяти минут. Галина Ивановна преподавала математику в старших классах и была уверена: если человек не может держать свою жизнь в строгих рамках, как уравнение с одним решением, — он обречён.

— Даша, ты должна быть примером, — повторяла она с шестого класса, поправляя дочери воротничок школьной формы. — Все смотрят. Учительница математики — это не просто профессия, это ответственность. Ты не имеешь права подвести, ведь я учу детей правилам. И кто станет меня слушать, если моя собственная дочь начнёт их нарушать?

В раннем детстве Даша с готовностью послушно кивала. Потом, чуть позже, резко опускала и поднимала голову, с раздражением. Становясь старше, она уже не кивала, молча, глядя в пол.

Когда в шестнадцать лет она начала опаздывать домой, курить за углом школы и красить губы слишком ярко, Галина Ивановна почувствовала, как под ногами рушится вся её аккуратная система координат.

Скандалы в квартире стали ежедневными.

— Ты позоришь меня! — кричала мать, стоя посреди кухни, сжимая в руке телефонную трубку после очередного звонка классного руководителя. — Вся школа знает, что дочь Романовой шастает по подвалам! Как я завтра пойду на уроки? Как я буду объяснять теорему Пифагора, когда у меня дома — сплошной хаос?!

Даша стояла в дверях, сжимая ремень школьного рюкзака.

— Я не обязана быть твоим продолжением, мама.

— Ты обязана быть приличным человеком! — голос Галины Ивановны срывался на визг. — Я всю жизнь учила детей логике, а свою дочь не могу научить даже не врать!

Отец сидел в комнате за закрытой дверью. Иногда выходил, когда крик становился невыносимым, и говорил тихо, почти виновато:

— Галя, успокойся. Давай без крика...

Но потом добавлял, глядя на Дашу уже строже:

— Мать права, Даш. Ты же понимаешь.

Даша понимала только одно: в этой квартире её никто не слышит. Мама кричит о позоре, отец молчит или поддакивает — и ни один из них не спрашивает:

«А что у тебя внутри болит? Почему тебе так плохо?»

Она уверенно уяснила только одно — порядок не даёт её душе покоя, и радости тоже даёт не много, а вот скандалы в доме почти все начинались с упоминания того самого «порядка» или в квартире, или в разуме. И она возненавидела это слово.

Однажды ночью, после особенно тяжёлого скандала (Галина Ивановна нашла в кармане Дашиной куртки пустую пачку сигарет и швырнула её на стол, как улику в суде). Затем мать долго кричала и когда дочь холодно сообщила, что уже год курит, она ударила её по лицу. Такого Даша не могла стерпеть. Это было самой большое унижение в её жизни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.